

Жюль Верн

Зеленый луч

Жюль Верн
Зеленый луч

«Public Domain»

1882

Верн Ж. Г.

Зеленый луч / Ж. Г. Верн — «Public Domain», 1882

«Горячая любовь к сиротке тесно связывала братьев Мельвиль; они жили только для нее одной и думали только о ней одной. Ради племянницы они отказались даже от мысли самим вступить в брак, о чем, впрочем, нисколько не жалели; они по своей натуре принадлежали к числу тех милых и добрых людей, которым как бы самой природой назначено остаться холостяками и довольствоваться в жизни ролью опекунов. Этим, однако же, не исчерпывается характеристика братьев; надо сказать, что они не только приняли на себя обязанности опекунов девочки, но Сэм как старший брат сделался отцом, а младший брат, Сиб, стал вроде матери ребенка; а потому никого не удивляло, что мисс Кампбель, случалось, совершенно непринужденно здоровалась со своими дядями в таких выражениях...»

Содержание

Глава первая. ДВА БРАТА: СЭМ И СИВ	6
Глава вторая. ЕЛЕНА КАМПБЕЛЬ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Жюль Верн

Зеленый луч

Файл создан по изданию: Приложение к журналу «Природа и люди», 1907 год

* * *

Глава первая. ДВА БРАТА: СЭМ И СИВ

- Бет!
- Бесс!
- Бетси!
- Бетти!

Последовательный ряд возгласов раздался в роскошном зале усадьбы Эленбург; а это значило, что брат Сэм и брат Сиб звали свою экономку. Но все уменьшительные имена так же мало способствовали появлению упомянутой дамы, как и в том случае, если бы ее стали звать полным именем Элизабет. На пороге зала показался управляющий Партридж. Держа в руках свою шотландскую шапочку, Партридж обратился к двум мужчинам привлекательной наружности, сидевшим в широкой амбразуре окна, выходившего в парк, и почтительно произнес:

- Вы изволили требовать миссис Бесс? Ее нет дома.
- Где же она, Партридж?
- Она вышла вместе с мисс Кампбель.

Сказав это, Партридж по знаку своих господ важно вышел из комнаты.

Двое мужчин, о которых мы только что говорили, были не кто иные, как братья Сэм и Сиб Мельвили. Имена, которые им дали при крещении, были в действительности Сэмюель и Себастьян. Что же касается мисс Кампбель, то она была племянницей Мельвилей. Братья Мельвиль принадлежали к одной из древнейших шотландских фамилий: вместе им сто двадцать лет, но Сэм был на пятнадцать месяцев старше Сиба. Их сестра умерла от тяжелой болезни вскоре после смерти своего мужа. Ее дочь осталась сиротой. Братья взяли племянницу к себе.

Горячая любовь к сиротке тесно связывала братьев Мельвиль; они жили только для нее одной и думали только о ней одной. Ради племянницы они отказались даже от мысли самим вступить в брак, о чем, впрочем,нисколько не жалели; они по своей натуре принадлежали к числу тех милых и добрых людей, которым как бы самой природой назначено остаться холостяками и довольствоваться в жизни ролью опекунов. Этим, однако же, не исчерпывается характеристика братьев; надо сказать, что они не только приняли на себя обязанности опекунов девочки, но Сэм как старший брат сделался отцом, а младший брат, Сиб, стал вроде матери ребенка; а потому никого не удивляло, что мисс Кампбель, случалось, совершенно непринужденно здоровалась со своими дядями в таких выражениях:

- Здравствуйте, папа Сэм!
- Как ваше здоровье, мама Сиб?

С кем можно более удачно сравнить этих двух дядей, как не с великодушными, любящими, честными братьями Чирибль – лондонскими негоциантами, совершенней которых не могла создать фантазия Диккенса. Между теми и другими было полное сходство, за исключением одного: братья Мельвиль не обнаружили склонности к торговым предприятиям. Сэм и Сиб Мельвили росли вместе и не расставались никогда даже на самое непродолжительное время. Они получили одинаковое воспитание и не только учились в одном и том же учебном заведении, но переходили вместе из класса в класс; все это сделало их в нравственном отношении до такой степени похожими друг на друга, что в большинстве случаев они были во всех вопросах совершенно одинакового мнения и каждому из них стоило только начать какую-нибудь фразу, чтобы эту фразу тотчас же докончил другой, даже с той же интонацией, с теми же жестами. Короче, эти два человека составляли точно одно существо, хотя по внешнему виду они слегка отличались один от другого: Сэм был несколько выше Сиба, а Сиб был немного толще Сэма. Зато их открытые и честные лица поражали необыкновенным сходством. Нужно было удивляться тому, что даже старомодный покрой их костюмов и материя, из которой

эти костюмы шились, свидетельствовали о том, что братья имели одинаковый вкус, хотя и с маленьким различием: Сэм любил темно-синий цвет, тогда как Сибу нравился темно-коричневый. Если говорить правду, кто не желал бы жить на свете так мирно и дружно, как эти во всех отношениях хорошие люди! Братья так привыкли идти в жизни рука об руку, что можно было биться об заклад, что они не отстанут друг от друга и тогда, когда пробьет их час сойти с жизненного пути. Но, судя по их внешнему виду, можно было сказать с уверенностью, что эти последние столпы дома Мельвилей еще вполне надежны и долго будут поддерживать древнее здание. Род Мельвилей брал свое начало в XIV столетии, со времен Роберта Брюса и Уоллеса, после того героического периода, когда Шотландия отстаивала против англичан свои права на свободу. Хотя братья Мельвиль и не имели случая стать в ряды воинов и сражаться за отчизну и жизнь их благодаря унаследованному от предков богатству текла мирно и тихо, тем не менее они свято чтит традиции своего рода, щедрой рукой помогая ближнему. Так как у братьев было прекрасное здоровье и они вели правильный образ жизни, можно было предугадать, что они долго не состарятся ни физически, ни морально. Разумеется, и эти два хороших человека имели кое-какие недостатки. Но кто может похвалиться тем, что вовсе не имеет недостатков? Мы знаем за братьями Мельвиль единственный: они имели слабость или, вернее, привычку пересыпать свои разговоры именами и даже целыми цитатами, извлеченными из романов знаменитого владельца Абботсфордского замка, а в особенности из поэм Оссиана. Но разве можно было ставить им это в вину, принимая во внимание, что они жили в стране Фингала и Вальтера Скотта? Для того чтобы закончить наш очерк, необходимо сказать, что оба брата Мельвиль страстно любили нюхать табак, и каждый, кому известно, что на вывесках табачных лавок в Соединенном королевстве изображен шотландец в национальном костюме, держащий в руках табакерку, взглянув на братьев Сэма и Сиба, нашел бы непременно, что они представляют собой превосходный оригинал для подобной вывески. Но здесь была особенность, достойная внимания: братья Мельвиль имели одну табакерку, хотя и невероятных размеров. Она переходила попеременно из кармана одного брата в карман другого и служила как бы еще одной связью между ними, не говоря уж о том, что братья всегда в одно и то же время ощущали желание понюхать табаку; и когда один доставал из недр своего кармана табакерку, вы могли быть уверены, что именно в эту минуту и другой чувствовал одинаковое желание понюхать табаку, и когда оба, понюхав, чихали, то почти одновременно говорили:

– Господи благослови!

Что касается практической житейской мудрости, то в ней братья Мельвиль были настоящими детьми: они ровно ничего не понимали в коммерческих и финансовых делах, да и не желали ничего понимать. К вопросам, касающимся политики, были тоже довольно равнодушны, и если в душе, может быть, и были якобинцами и питали некоторое предубеждение против царствовавшей Ганноверской династии, то мечтали о возвращении Стюартов так же поверхностно, как мечтают некоторые французы о возвращении последнего из дома Валуа. В сердечных делах они понимали еще меньше, а между тем братья Мельвиль горячо желали ясно читать в сердце мисс Кампбель и угадывать самые задушевные ее мысли и, если это будет возможно, развивать и направлять их по своему усмотрению, а если это будет необходимо, и выдать молодую девушку замуж за ими же избранного человека, который, конечно, употребит все усилия, чтобы сделать ее счастливой. Если верить братьям или, вернее, если послушать разговор, который они вели, то можно было бы подумать, что они нашли уже человека, на которого намеревались возложить эту приятную обязанность.

– Итак, Елена гуляет, но теперь пять часов, и она скоро возвратится домой.

– А когда она возвратится?..

– Тогда, я думаю, брат Сэм, настанет то время, когда нам надо будет поговорить с ней серьезно.

– Через несколько недель, брат Сиб, нашей дочери исполнится восемнадцать лет...

– Она достигнет возраста Дианы Вернон, не так ли, брат Сэм? И, говоря по правде, она так же красива, как героиня «Роб Роя».

– Да, это правда, брат Сиб, но изяществом своих манер...

– Складом своего ума...

– ...она больше напоминает Диану Вернон, чем Флору Мак Айвор – другую величавую фигуру из «Вэверлея».

И, гордые своими сведениями из родной литературы, братья перечислили героинь чуть не всех вальтер-скоттовских романов, но все они, по их мнению, должны были уступить нравственным и физическим совершенствам мисс Кампбель.

– Она, брат Сэм, молоденький розан, выросший немного быстро, и которому поэтому необходимо...

– ...дать подпорку, так ведь, брат Сиб? И лучшей подпоркой...

– ...будет, без сомнения, муж, так как, брат Сиб, в этом случае розан и подпорка пустят корни в одном и том же грунте.

Чрезвычайно довольные этим сравнением, вычитанным в книге «Прекрасный садовник», они весело улыбнулись друг другу, после чего брат Сиб вынул из кармана табакерку и, раскрыв ее, деликатно погрузил в нее два пальца; затем передал табакерку брату, и тот, тоже взяв щепотку, положил табакерку в карман.

– Итак, брат Сэм, мы пришли к соглашению.

– Как и всегда, брат Сиб.

– Даже относительно выбора попечителя¹ для нашей дочки.

– Конечно. Кто же может быть более симпатичным, более соответствующим ее вкусу, как не этот молодой ученый, получивший ученую степень в Оксфордском и Эдинбургском университетах? Этот физик, равный Тиндалю...

– ...этот химик, подобный Фарадею, этот человек, проникший в тайну происхождения всего существующего в нашем бренном мире...

– ...и который, брат Сиб, не задумывается над ответом на какой бы то ни было предложенный ему вопрос.

– Да, кто может быть лучше этого потомка древней фамилии и обладателя солидного состояния?

– Я уж не говорю об его привлекательной внешности, очень приятной, по моему мнению, несмотря на алюминиевые очки, которые он носит.

Мы вполне уверены, что даже в том случае, если бы очки этого героя были из стали, или из никеля, или золотые, братья Мельвиль не сочли бы это за недостаток. Но был ли в действительности по вкусу мисс Кампбель этот молодой ученый, получивший ученую степень в двух университетах? Если мисс Кампбель имела сходство с Дианой Вернон, то ведь эта героиня, как известно, не питала к своему ученому кузену Рашлею ничего, кроме дружбы, и в последней главе романа замуж за него не вышла. Но, впрочем, что же из этого? Подобное обстоятельство не могло обеспокоить серьезно братьев Мельвиль: как двое старых холостяков, они не могли быть опытны в сердечных делах.

– Молодые люди уже виделись не раз, продолжал брат Сиб, – и наш ученый друг, по видимому, не остался равнодушен к красоте Елены.

– Еще бы, брат Сэм. Если бы божественному Оссиану пришлось воспевать ее красоту и ее добродетели, то он назвал бы ее Монной, то есть «всеми любимой».

– Да, если б он только не назвал ее Фионой, что, как ты знаешь, по-гаэльски значит «несравненная красавица».

¹ Здесь труднопереводимая игра слов: подпорка для растений называется по-французски *tuteur* – то есть опекун или попечитель. – *Примеч. ред.*

– Не нашу ли Елену создало его воображение, когда он сказал: «Она покидает убежище, в котором вздыхала украдкой, и является во всей своей красе, как из-за туч луна...» – начал брат Сэм.

– «...и блеск ее красоты, окружает ее как сияние, – продолжал брат Сиб, – и шум ее легких шагов раздается в ушах, как нежная мелодия».

К счастью, поэтическое настроение братьев было нарушено другими мыслями, которые сбросили их с несколько туманного неба кельтского барда на землю и возвратили к прозаической действительности.

– Без сомнения, – сказал один из них, – если Елена нравится нашему молодому ученому, то он в свою очередь не замедлит ей тоже понравиться...

– И если она, брат Сэм, и не выказала нашему ученому другу до сих пор того внимания, которого он заслуживает, то прекрасные качества, которыми так щедро наградила его природа...

– ...не замедлят произвести на нее глубокое впечатление; этого не случилось до сих пор, брат Сэм, только потому, без сомнения, что мы не сказали ей, что ей пришло время думать о замужестве.

– Да, конечно, брат Сиб, и в тот день, когда мы дадим ее мыслям желанное направление, предположив, что у нее нет предубеждения против замужества...

– ...она не замедлит согласиться, брат Сэм, как прекрасный Бенедикт, который после долгого сопротивления...

– ...закончил развязку комедии «Много шума из ничего» тем, что женился на Беатриче.

Вот каковы были братья Сэм и Сиб Мельвили, и результат задуманной ими комбинации казался им столь же естественным, как развязка комедии Шекспира.

Придя к этому заключению, братья, движимые чувством радостного удовлетворения, поднялись со своих мест и начали, потирая руки, тонко улыбаться друг другу. Вопрос о замужестве Елены стал делом решенным. Какое могло явиться в этом случае непредвиденное затруднение? Молодой ученый сделает предложение, Елена ответит на него согласием, и когда формальности эти будут соблюдены, останется одно: назначить день свадьбы.

Свадьба будет, конечно, роскошная; ее отпразднуют в Глазго, но венчание не будет происходить в кафедральном соборе святого Мунго – единственной шотландской церкви, которой не коснулась реформа, нет! Она казалась слишком мрачной для свадебного торжества, которое в воображении братьев Мельвиль должно было походить на слияние чарующей молодости с лучезарной любовью. Для этой цели более всех подходили церковь святого Андрея или церковь святого Георгия, которые к тому же находятся в лучшей части города. Таковы были соображения братьев Сэма и Сиба; они продолжали развивать план предполагаемой свадьбы, причем речь их больше походила на обмен фразами, целиком взятыми из книги, чем на простой разговор.

Погруженные в свои мысли, братья Сэм и Сиб не заметили, как дверь залы отворилась и на пороге появилась хорошенькая девушка; лицо ее горело, как видно, от быстрой ходьбы, и в руках у нее была развернутая газета; подойдя к братьям Мельвиль, она удостоила каждого двумя поцелуями.

– Здравствуйтесь, дядя Сэм! – сказала она при этом. – Как поживаете, дядя Сиб?

– Прекрасно, – ответил Сиб.

– Елена, – сказал брат Сэм, – нам нужно с тобой поговорить серьезно.

– О чем поговорить серьезно? Что такое вы придумали? – спросила мисс Кампбель, посматривая не без лукавства то на одного, то на другого.

– Ты знаешь молодого ученого Аристобюлюса Урсиклоса?

– Знаю.

– Нравится он тебе?

- Почему бы ему мне не нравиться?
- Так он тебе нравится?
- Чем бы именно мог он мне понравиться?
- Одним словом, брат и я по зрелом размышлении пришли к заключению, что он был бы тебе хорошим мужем.
- Мужем! Мне?.. Это я-то выйду замуж?! – воскликнула мисс Кампбель, разразившись веселым смехом. – Так ты не хочешь идти замуж? – спросил брат Сэм.
- Зачем мне выходить замуж?
- Так ты совсем не пойдешь замуж, никогда? – сказал брат Сиб. – Seriously?
- Никогда, – ответила мисс Кампбель, стараясь сделать серьезное лицо, хотя улыбка, игравшая в уголках ее губ, предательски выдавала ее. – Никогда, дядя... По крайней мере я не пойду замуж до тех пор, пока не увижу...
- Чего? – воскликнули оба брата разом.
- ...пока я не увижу «зеленый луч».

Глава вторая. ЕЛЕНА КАМПБЕЛЬ

Загородный дом, в котором жили братья Мельвиль и мисс Кампбель, был расположен в очень красивой местности, в трех милях от небольшого селения Эленбург, на берегу канала Гэр-Лох.

Братья Мельвиль и их племянница обыкновенно проводили зимний сезон в Глазго в старинном доме на улице Вест-Джордж, одной из самых аристократических частей нового города. Они жили там в продолжение шести месяцев в году, если только какой-нибудь каприз Елены, которому они подчинялись беспрекословно, не увлекал их куда-нибудь в Италию, в Испанию или во Францию. Во время этих путешествий братья Мельвиль не переставали смотреть на все глазами Елены; они ехали только туда, куда ей хотелось, останавливались в тех местах, где ей желательно бывало остановиться, и восхищались только тем, чем она восхищалась, а когда наконец мисс Кампбель закрывала свой альбом, в который заносила карандашом или пером свои путевые впечатления, дяди ее смиренно плелись за ней домой и не без удовольствия поселялись снова в прекрасном и удобном доме на Вест-Джордж. В первой половине мая Сэм и Сиб начинали чувствовать желание переселиться в деревню, и желание это странным образом совпадало как раз с тем временем, когда и мисс Кампбель ощущала не менее горячую потребность покинуть Глазго, с его неумолкаемым шумом, закопченным небом и запахом каменного угля. Когда переезд в деревню бывал решен окончательно, весь дом поднимался на ноги и хозяева, и прислуга вскоре переезжали в великолепное поместье, принадлежавшее Мельвильям и находившееся в двадцати милях от города. Местечко Эленбург было очень красиво, кроме того, славилось морским купанием, но всем оно должно было уступить в красоте той местности, которую братья Мельвиль избрали для постройки своего прекрасного загородного дома. В поместье Мельвильей можно было найти все, что ласкает взор: тенистые рощи, прозрачные ручьи, бархатистые луга, пруды, в которых плавали стаи диких лебедей. С одной стороны парка открывался очаровательный вид: была видна, с правой стороны, прехорошенькая вилла, приютившаяся на полуострове за узким заливом; она принадлежала графу Аргайлю; с левой стороны этой части парка по берегу Клайда раскинулись домики и церковь Эленбурга, а напротив самой усадьбы, по другую сторону реки, виден был порт Глазго и развалины замков Ньюарка и Гринока. Все это, вместе взятое, составляло очень живописную картину, и чем выше поднимались вы на башни самого дома, тем горизонт становился шире, тем красивее делался вид. Таких башен в доме было несколько. Сам дом, с его неправильными крышами, выдающимися фасадами, беспорядочно расставленными окнами и множеством остроконечных башенок, с гордо развевающимся флагом на главной башне, являл собой превосходный образчик англосаксонской архитектуры. На балкончике главной башни было излюбленное местопребывание мисс Кампбель: она обыкновенно проводила там большую часть дня, занимаясь чтением, работой или просто мечтая о чем-нибудь; она устроила себе на этой башне прехорошенькое гнездышко в виде обсерватории, защищенной от дождя и солнца. Если молодой девушки не было на башне, то вы могли быть уверены, что она гуляет по парку или одна, или в обществе Бесс или же мчится верхом по полям в сопровождении верного слуги Партриджа, который из всех сил погоняет лошадь, чтобы не отстать от своей госпожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.